

— Человек по природе своей добр... Все люди близки друг другу, но привычки их отдаляют...

В убогом, наспех сколоченном классе седовласый наставник, покачивая головой, бубнил под нос строки из потрёпанного Троесловия.

Ван Тянь залез под стол, подобрал сухой земляной ком и с гадкой ухмылкой швырнул его в угол у окна.

Там, прижавшись к раме, сидел Лю Мухань.

Тяжёлый земляной ком больно ударил мальчика, заставив его испуганно сжаться. Но этот беззащитный жест лишь раззадорил Ван Тяня.

Вскоре убогий класс наполнился звонким, безжалостным смехом.

Лю Мухань молча забился в самый угол. Спинай он упирался в шершавую, осыпающуюся стену, и это покалывающее чувство помогало ему не терять связь с реальностью. Вслед за землёй полетели мелкие камешки, больно ударяя по плечам и голове, но мальчик, уткнувшись лицом в колени, даже не плакал. В его широко распахнутых глазах, скрытых от чужих взоров, не было ни боли, ни обиды — лишь странное, отрешённое спокойствие.

Наставник тем временем продолжал мерить класс шагами, монотонно читая книгу и демонстративно не замечая бесчинств Ван Тяня и его приятелей.

Малое загородное поместье принадлежало ордену Свободного скитания. Среди сотен подобных владений оно считалось самым заурядным и глухим, а заправлял здесь всем дедушка Ван.

Его внук, Ван Тянь, привык к полной безнаказанности. В усадьбе никто не смел перечить избалованному мальчишке — ни сверстники, ни взрослые слуги.

Как-то раз один из работников попытался заступиться за своего избитого сына и выговорил наглецу, но кончилось всё предсказуемо: бедолагу вместе со всем семейством в тот же день выставили за ворота. В этом беспокойном, полном опасностей мире у простых людей не было иного выбора, кроме как искать покровительства у сильных орденов. Изгнание означало верную гибель.

Истратив на молчаливую мишень целую горсть сухой земли и не дождавшись никакой реакции, Ван Тянь разочарованно сплюнул:

— Скука смертная.

— И не говори, — поддакнул кто-то из его свиты. — Бревно бревном. Не зря его великий глава

из ордена вышвырнул.

— Брат Тянь, пойдём лучше на улицу? От этой зубрёжки голова уже раскалывается.

— Да у кого не раскалывается, — проворчал Ван Тянь. Он бесцеремонно взобрался на парту ногами и зорко осмотрел двор сквозь оконную раму. — А моего деда нигде не видать?

Из дверей высунулся пухлый мальчишка:

— Брат Тянь! Я только что видел, как дедушка Ван уехал в город!

— Что же ты молчал! — Ван Тянь с силой оттолкнулся от столешницы и прыгнул прямо на земляной пол. — Валим отсюда! Живее, пока старик не вернулся. Ещё немного в этой душной конуре, и я с ума сойду.

Толпа со смехом и гиканьем устремилась вслед за своим вожаком, оставив класс позади.

В мгновение ока в помещении воцарилась тишина. Наставник, казалось, вовсе не заметил побега учеников. Он всё так же мерно вышагивал между рядами пустовавших лавок, монотонно декламируя:

— Коль сына вырастил, но к делу не привил, в том твоего отца вина и грех... Коль строгости учитель не явил, ленив учитель... Коль отрок учиться не желает, глуп отрок... Коль смолоду ученья избегает, то к старости что делать станет?..

Лю Мухань осторожно приподнял голову, уложив подбородок на скрещенные руки. Он мало что понимал из старинных, витиеватых фраз, но сам усыпляющий ритм учительского голоса согревал его душу. Мальчик робко улыбнулся.

Вставать и возвращаться за парту он не спешил, рассудив, что в углу куда безопаснее. За годы, проведённые бок о бок со старшим братом, Лю Муфэном, он усвоил главное правило выживания: не двигайся, не кричи и не привлекай внимания. Чем покорнее ты кажешься, тем быстрее от тебя отстанут мучители.

В его детском понимании Ван Тянь мало чем отличался от Муфэна. А значит, и проверенные приёмы должны были сработать. И ведь сработали!

Хотя нет, Ван Тянь оказался куда более податливым. Муфэн не успокоился бы, даже если бы его жертва притворилась мёртвой — он избивал бы младшего брата до тех пор, пока у самого не иссякли бы силы. А этот пошвырял земляные комья, заскучал и ушёл.

"Слабак", — с долей детского превосходства подумал Мухань. На душе стало тепло и радостно

от осознания собственной хитрости. Он всегда знал, что очень, очень умен.

Шли дни. Занятия продолжались в том же духе. Каждый раз Мухань послушно садился у окна, принимал на себя неизбежный первый удар, а затем уползал в свой спасительный угол. Ван Тяню требовалось выместить злость, и мальчик послушно давал ему эту возможность. К тому же, по его меркам, колотушки деревенского задиры были сущими пустяками — так, комариные укусы по сравнению с тяжёлой рукой старшего брата.

Жизнь в Малом загородном поместье потекла своим чередом. Старый наставник упорно игнорировал шалости малолетних бездельников, но стоило тем сбежать с урока, как круг его шагов сужался. Теперь он мерил комнату исключительно вокруг одинокого молчаливого мальчика.

У Муханя не было книг, и он понятия не имел, какие иероглифы скрываются за странными звуками, но цепкая детская память бережно впитывала каждое слово старого учителя.

Однажды наставник, увлечшись декламацией наизусть, запнулся на полуслове. Он уже потянулся к ветхому свитку, чтобы подсмотреть забытую фразу, как вдруг из угла раздался тихий, хрипловатый голосок. Мухань безошибочно продолжил прерванную строфу.

В пустом классе их было двое — согбенный годами старик и истощённый, израненный ребёнок.

Их взгляды встретились. В глазах мальчика застыли наивное недоумение и робость, в то время как учитель на миг искренне обрадовался. Но это мгновение угасло так же быстро, как и родилось. Взгляд наставника сменился покорной пустотой.

Он был слишком стар и слаб. Приют в Малом загородном поместье достался ему великим трудом, став последней гаванью перед неизбежным концом. Старик не мог позволить себе рисковать этим хрупким благополучием ради чужого, пусть и одарённого безбилетника.

Наставник медленно отвернулся и зашагал прочь, возобновив прерванное чтение ровным, лишённым эмоций голосом:

— Коль смолоду учился, в зрелости сумеешь послужить... Государя поддержать верностью, народу явить милость...

Мухань слушал затаив дыхание. Эту часть Троесловия учитель повторял изо дня в день, и мальчик давно выучил её наизусть, хоть и не умел связать звучание слов с начертанием знаков на бумаге.

Через несколько дней наставник сменил трактат, начав читать нечто совершенно новое и незнакомое. Мухань не знал причин такой перемены, но в его душе разгорелась тихая, детская радость — теперь он мог выучить ещё больше прекрасных слов.

Незаметно пролетели три месяца. Наступила пора сбора урожая, и тихая жизнь в усадьбе уступила место шумной, суетливой страде. Занятия прекратились — рабочих рук не хватало, и к делу привлекли всех без исключения детей.

Лю Муханя определили на огород, выдав ему непосильную задачу — копать батат.

— Предупреждаю, ублюдок, — Ван Тянь ткнул грязным кулаком прямо в лицо Муханю, свирепо прищурившись. — Только попробуй сожрать хоть один клубень. Увижу — изобью до полусмерти, понял?!

Издали донёсся зычный голос дедушки Вана:

— А-Тянь! Опять бездельничаешь?

Ван Тянь мгновенно переменился в лице и трусцой побежал к деду:

— Дедушка, да я просто уму-разуму его учу! Такие бродяги только побои и понимают, иначе этот придурок сожрёт весь наш батат!

Старик недовольно нахмурился и негромко шлёпнул внука по затылку:

— Замолчи. Как-никак, он всё же второй молодой господин.

— Да какой он господин! — обиженно заканючил мальчишка. — Обычный дурачок. Дедушка, давай его выкинем куда-нибудь, а? Не хочу жить под одной крышей со слабоумным!

— Тише ты, дурная твоя голова! — зашипел дедушка Ван, утягивая внука за собой.

Их голоса постепенно затихали в отдалении, пока окончательно не растворились в шуме работающей усадьбы.

Мухань молча опустил на колени посреди отведённой ему грядки. Сжав маленькие пальцы на шершавой деревянной рукояти тяжёлой мотыги, он с трудом приподнял её и вонзил в податливую, сухую землю. Из развороченной борозды показалась целая гроздь крупных, покрытых налипшей грязью клубней батата.

Мальчик замер, глядя на урожай, и судорожно сглотнул слюну. В памяти мгновенно ожил дурманящий, сладкий аромат печёного на углях батата.

"Нельзя воровать, — Мухань испуганно отпрянул и сжался в комок, зашептав под нос спасительные слова. — Сладкий батат... Дедушка всегда говорил, что воришек ждёт беда. Я

обещал ему вырасти хорошим человеком, а хорошие люди не берут чужого. Вот вырасту, заработаю много-много монет и куплю себе целую гору батата! Буду его печь, варить из него похлёбку, добавлять в рис... Ох, а ещё можно потушить его с жирным мясом! Столько всего вкусного приготовлю..."

В животе жалобно и громко заурчало.

Мухань укоризненно погладил себя по рёбрам:

— Ну вот, опять разворчался. Терпи давай.

Он бросил последний тоскливый взгляд на лежащие на земле корнеплоды, облизнулся, словно уже чувствуя на губах их сладкую мякоть, и, собрав остатки сил, снова взмахнул мотыгой.

<http://bllate.org/book/18166/1747521>